

Тамара Гвердцители:

Тамара Гвердцители — настоящая грузинская хозяйка, радушная, приветливая, встречающая чаем и тортом. И дом у нее — под стать: теплый, уютный, с роскошной старинной мебелью, конечно, роялем. Пусть все это великолепие помещается только в двухкомнатной квартире — главное, говорит Тамара, что я ощущаю себя здесь дома...

Э

та квартира перешла мне от родственников, и хотя она далека от идеала, здесь всегда собиралась вся наша семья, здесь витает дух Грузии. Я даже мебель оттуда привезла. Но в этой квартире петь сложнее, потолки низкие — акустика плохая.

— **Такое ощущение, что вы ушли в подполье — вас совсем не видно на экране, на сцене...**

— Я не считаю, что мне надо пробиваться к широкому зрителю. Сейчас в нашей стране хороший вкус и хорошее образование скорее мешают, чем помогают работать... Мое противостояние сегодняшней эстраде в том, что я, несмотря ни на что, продолжаю петь. И потом, если я не каждый день мелькаю по телевизору, это не значит, что я не гастролирую. Я недавно побывала в Америке, дала 11 концертов в Израиле, потом — Сочи, фестиваль в Оренбурге... Средства

массовой информации этими событиями не интересуются. Обидно было, что даже мое выступление в Карнеги-холл в прошлом году прошло совершенно не замеченным.

— **По-вашему, в ближайшем будущем наша эстрада может измениться?**

— Древние говорили — ничто так не вечно, как временное. То, что исполняется сейчас, исчезнет так же быстро, как и появилось. Из сегодняшних эстрадных исполнителей переживут свое время, на мой взгляд, немногие: Розенбаум, Градский, Пугачева, Ротару.

— **Пугачева, например, признается, что песен, достойных ее, сейчас не пишут...**

— Я никогда не ограничивала себя

Я

*Вер. Москва, - 1997. -
7 ил. н.з. - с. 8*

ЗА МУЖЧИН-ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

Вер. Москва, -

современными композиторами. Пою народные песни, камерные произведения, эстраду, а в последнее время еще и классику. Подтолкнуло к этому то, что несколько лет тому назад я была с концертами в Париже и совершенно неожиданно получила предложение от французских продюсеров спеть в опере «Бастилия». Я почувствовала, что приближаюсь к заветной мечте... Но контракт требовал полной самоотдачи, а я не смогла отказаться от эстрады.

В скором времени я надеюсь убрать со сцены всю «синтетику», эти электрические балалайки-гитары, пригласить оркестр и записать с ним классический репертуар.

— **У вас несомненные актерские способности, в вас единодушно признают Эдит Пиаф. Вам не хотелось попробовать себя в шоу?**

— Сознательно или бессознательно я следую Эдит Пиаф — страсть, боль в ее голосе близки мне, и я убеждена, что настоящее пение должно вызывать такие же сильные эмоции. Но это не подражание, не попытка сыграть чужую роль...

В 17 лет я твердо решила поступать в театральный и стать актрисой. Мама настояла на консерватории. Но сейчас я думаю, что попробую новую для себя форму — монооперу, где будет возможность сочетать пение и игру. Хореографы говорят, что сценическое движение — та область, в которой мне еще предстоит открыть себя. Образец подражания для меня певица, которой удается так же хорошо петь, как и двигаться, — Лайза Минелли...

Сейчас я половину своей концертной программы провожу за роялем. В этом году в Нью-Йорке у меня был концерт с Мишелем Леграном: на сцену поставили два рояля, и у нас началась какая-то сумасшедшая импровизация. Этот концерт был нашей общей победой, и именно маэстро подвиг меня к тому, чтобы всегда петь за роялем.

— **Как произошла ваша встреча?**

— В 92-м году мой агент в Париже

послал ему кассету «на авось». И вдруг через два дня звонок из его офиса: говорят, что маэстро Легран хочет встретиться с госпожой Тамарой, его очень заинтересовала безымянная певица (как вы понимаете, мое имя ему ничего не говорило). С тех пор мы подружались, это удивительнейший человек, простой, открытый в общении. Благодаря ему Париж стал моим вторым домом.

— **Много у вас домов по всему свету...**

— Что верно, то верно. Я то в Тбилиси, то в Москве, то в Париже, то в Нью-Йорке. В Тбилиси — муж, который там работает и из-за меня вовсе не обязан бросать свое дело. Там также живут отец и брат. А в Нью-Йорке сейчас мои мама и сын Сандро. Он учится там в колледже для одаренных детей. Конечно, занимается музыкой, но его гораздо больше привлекает все, что связано с компьютерами... Через два месяца пребывания в Америке он позвонил мне и сказал: «Мама, здесь действительно есть свобода». Но я догадываюсь, что такое громкое заявление последовало, скорее, потому, что он некоторое время провел в детском лагере без меня и без бабушки.

— **Вы не устаете от скитаний?**

— Куда бы я ни приезжала, пытаюсь превратить это место в подобие своего дома. Расставляю фотографии, подсвечники, привожу искусственные цветы, даже маленькое электрическое пианино. Поэтому мое появление в аэропорту воспринимается встречающими с ужасом — вокруг меня просто огромное количество чемоданов...

Ну а потом силами коллектива переставляю мебель и обязательно создаю военно-полевую кухню. Застолье — одно из самых больших удовольствий. Я не ем бутерброды, и это не простой каприз; всегда стараюсь что-то приготовить, создать уют.

— **Несомненно, поклонники у вас есть во многих уголках мира. Что для вас красивое мужское ухаживание?**

— Я — за мужчин-завоевателей. Женщину нужно покорять. Флирт, ухаживание — в этом особая красота жизни. И я ощущала просто бесконечное счастье, когда мне пели под балконом серенады или посвящали стихи, дарили огромное количество цветов. Но современных мужчин не часто вдохновляет прекрасное, и это очень грустно.

Беседовала Юлия УШАКОВА
Фото Руслана РОЦУПКИНА.
«МузОБОЗ»